

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949817

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO

Concesión Nº 4233

Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sabado 26 de marzo de 1983

Буэнос Айрес, суббота 26 марта 1983

№1705

А. СОЛЖЕНИЦЫН

КОММУНИЗМ К БРЕЖНЕВСКОМУ КОНЦУ

На примере нынешнего Советского Союза можно видеть, во что превращает коммунизм всякую страну и все народы, попавшие в его власть. От страны к стране различия второстепенны, но основные черты процесса повсюду одинаковы.

Первым действием коммунистов, пришедших к власти в России в 1917, было: откупиться от Германии 25, 30 или 40% русской территории, чтобы только на остальной удержать свою власть. (Этот высший принцип коммунистов — удержаться у власти любой ценой, хотя бы гибелью страны, народа и соседних народов, проходит единым стальным стержнем от Ленина до Брежнева, и Сталин был тоже всего лишь Лениным, доведенным до логического конца.) Тотчас же коммунисты повели внутреннюю гражданскую войну на уничтожение не только своих военных врагов, но всех невоенных слоев населения, расстреливая целыми селами, разоряя уезды, обезлюживая города и губернии. По вине коммунистов, отнимавших у крестьян даже семенное зерно, голод 1921 года охватил 30 миллионов человек, и умерло в Поволжье 5 миллионов крестьян. С тех пор массовые голоды не покидали нашу страну, в голоде 1933 вымерло еще 5-6 миллионов, в военные годы 1941-45 крестьяне ели травяные лепешки, в послевоенный голод 1946-47 люди умирали, а правительство вывозило хлеб за границу. От 1917 и по сегодня у населения уже никогда не бывало ни сытости, ни безопасности, ни личной свободы. Надо ли удивляться, что при первом же столкновении с гитлеровской Германией в плен сдались около 3 миллионов бойцов, население занятых областей ждало от чужеземных войск освобождения, и даже в месяцы явного крушения Германии только из тех советских граждан, кто оказался вне своей страны, в Освободительную армию против Сталина записалось несколько сот тысяч добровольцев. Но Гитлер вел войну не против коммунизма как идеологической чумы, а на захват и покорение народов СССР — и народ по вынужденности, защищая себя, защитил и спас коммунизм.

Для того чтобы не иметь себе внутри страны никакой конкуренции, коммунисты еще в ходе гражданской войны 1918-20, а после ее окончания даже интенсивнее, ликвидировали все другие политические партии, все нейтральные куль-

турные, религиозные, национальные и экономические организации, производили неуклонное массовое уничтожение всех, кто мог бы представить хоть в чем-либо оппозицию коммунистической власти. Уничтожали целиком сословия — дворянство, офицерство, духовенство, купечество, и отдельно по выбору — каждого, кто выделялся из толпы, кто проявлял независимое мышление. Первоначально самый сильный удар пришелся по самой крупной русской нации и ее религии православия — затем удары последовательно переносились на другие нации. Эти уничтожения еще к концу “спокойных” 20-х годов составили уже несколько миллионов жертв. Тотчас вслед произошло истребление 12-15 миллионов самых трудолюбивых крестьян. История последовательных уничтожений в СССР за все десятилетия подробно изложена мною в книге “Архипелаг Гулаг”.

Какой же смысл был уничтожать лучшую трудолюбивую часть крестьянства? Мы ничего не поймем в коммунизме, если будем пытаться его понять на простой человеческой разумной основе. Пружина коммунизма, как завел ее еще Маркс, — это власть и власть любой ценой, не считаясь с потерями и вырождением населения. Важно, чтоб у коммунистической власти не было в стране экономически независимого, сильного соперника, чтобы крестьянство — а его было в стране 80% — обессилело и не могло бы противостоять власти. Колхозная система разрушительна экономически, но выгодна политически. Так сельское хозяйство коммунистической страны строится не из расчета на урожай, а “идеологически”. Ведется уродливым центральным бюрократическим планированием, которое не способно предусмотреть реальных обстоятельств и не задумывается о будущем, но хочет хищнически сорвать с земли как можно больше сегодня, как будто завтра на этой земле уже не жить. Десятилетиями власть спускает бредливые разрушительные приказы — и люди, не имея никакой свободы действия, вынуждены выполнять. Крестьянин уже не привязан душевно к земле и работе, как было столетиями. Добились: омертвили крестьян до равнодушия, и они исполняют глупые приказы:

посев не в срок, уборку не в срок; необратимую распашку лучших лугов под неудачную пашню; рубку лесов до пересыхания рек; или осушение хорошего озера, только чтобы формально выполнить “план мелиорации”; и сколько осушат земли мелиорацией в одном месте — столько гектаров зарастет в другом без рабочих рук. И добытый урожай зерна и овощей сгнивают от плохого хранения и недостатка транспорта вовремя. Сельскохозяйственные машины ржавеют зимами под открытым небом и быстро выходят из строя. Не успеют внести удобрения, сколько намечено “по плану”, — остаток сжигают, чтобы не было уличающего следа. Или вот картинка: комбайнер продает по дешевке на сторону семенное зерно, вместо того, чтобы посеять его: его не проверят, сколько он посеял, и ему неважно, сколько взойдет. На два месяца в год еще пригоняют на гибнущие поля “на помощь” городских школьников и неумелое городское население: они бесполезно перебивают здесь время, которое им оплачивается государственной зарплатой в тех учреждениях, где они эти месяцы отсутствовали. За последние 10 лет советский импорт продовольствия вырос в 40 раз, 4 неурожая подряд — чего стоит такое сельское хозяйство!

За собранную колхозную продукцию государство десятилетиями платило искусственно ничтожно, так что труд колхозника отнимался во все даром — и наградой тому, кто весь день полон поле от сорняков, были только сами жесткие сорняки — для своей коровы или козы. Отбрав у колхозника полный рабочий день бесплатно — государство разрешило ему в остаток дня и вечера заработать себе пропитание на крохотном приусадебном участке в четверть гектара. На этих участках отдают свои последние силы глубокие старики (до недавнего времени никто из них не получал пенсии, а сейчас получают мизерную), инвалиды и дети. (15 миллионов сельских детей не знают, что такое *игры*, сельские подростки ниже ростом и болезненнее городских.) Крестьянские приусадебные участки составляют около 2% обрабатываемых площадей страны — дают 1/3 всей продукции овощей, яиц, молока, мяса! Но так как до 1/3

этой продукции в колхозах еще гибнет от дурного хранения — то, значит, крестьяне, эксплуатируемые вдвойне, за счет своих индивидуальных участков, своих стариков и детей, и лишены всякой современной техники и удобрений, только руками как встарь, — дают почти *половину* этих продуктов в стране! — и даже это не все могут продавать свободно на рынке, но из этого должны уступать государству часть — раньше в виде еще нового “налога”, теперь в виде “добровольной” продажи по дешевке.

Вдуматься: каково соотношение коммунистического сельского хозяйства, где все взрослое население работает днем на 98% площадей — и 2% крохотных личных участков, где работают инвалиды, дети и по вечерам взрослые. Но даже и это последнее спасение власти уничтожают в идеологическом безумии: в последние годы все больше колхозов переводится в совхозы, то есть превращают колхозников в индустриальных рабочих, лишенных и этих приусадебных участков, не останется скоро и их. Сносят целые деревни, разрушаются остатки крестьянского быта, переселяют в многоэтажные здания, где уже нельзя держать скот и птицу. В который раз советская власть сама под собой уничтожает основу производства — зато “торжествует” идеологически.

Такая же несурезица во всей экономике. Полное взятие производства в руки государства разрушило производство. Несмотря на то, что 60 лет все речи вождей, газеты и радио гремят об успехах советской промышленности — вся она в болезненном состоянии, вся в язвах, которые залатываются только незаконными “микрокапиталистическими” путями, в обход социалистических. Основная задача советской экономики — не расцвет экономики, не рост общего производства, ни даже производительности труда, ни даже прибыль — а только функционирование мощной военной машины и изобилие для правящей касты. Партийная бюрократия не способна организовать ни производство товаров, ни торговлю — но лишь отнять произведенное. Это — система, не терпящая ничьей самостоятельности. Не имея способности эффективно управлять экономикой, власти заменяют руководство тотальным насилием. Экономика перепопрана и сдавлена множеством административных запретов, цель которых —

не дать появиться свободным социальным силам. Эти запреты тупо распространяются также на многие плодотворные научные направления — взамен того ведущая техника или закупается или крадется на Западе, производительность труда повышается за счет мирового технического прогресса, — это сопровождается фантастическими миллиардными иностранными долгами или оплачивается истощением недр: за время своего господства советские руководители продали и промотали запасы ископаемых, достаточные для своего поколения и для двух следующих — за сыновей и за внуков. Великая держава — все покупает, от электроники до зерна, а продает только недра и оружие. По жизненному уровню страна находится в четвертом десятке стран, а 12% государственных доходов составляет спекулятивная водка, спаивающая население до idiotичности, и бракованные вина, изготовленные антисанитарно: правительство спаивает народ, чтоб иметь деньги для своих мировых замыслов. Руководящий экономикой центральный "план" не предвидит никаких местных и конкретных событий, но неизменен к исполнению и оттого превращается в абсурд и хаос. Местные хозяйственники заняты только тем, как бороться с планом и обойти его — и на каждом шагу их сторожит за это уголовный кодекс. Невозможно никакое реальное строительство строго по закону — не будет ни материала, ни рабочей силы, — а только в обход закона, и все дрожат перед судебным наказанием, а иначе — вообще ничего не будет построено. Запреты так стягивают, что руководители производств не решаются вводить несомненно выгодную новую технологию: может нарушиться план, сроки, спокойнее — заявить на следующую пятилетку. Инициативные смелые люди то там, то здесь пытались создать в своем производстве свободу финансов, чтобы платить не по мелочному государственному регламенту, а пропорционально количеству и качеству труда, — и всегда давали блистательные производственные результаты — и тотчас их обуздывали сверху новыми запретами, срезкой бюджета, а то и судебным наказанием: если появятся свободные экономические силы, то бюрократия упустит руководство событиями и саму власть. "План" составляется не по качеству товаров, не по богатству их ассортимента, но по общей их стоимости, — и кто выпустит больше дорогих, ненужных, непродаемых вещей — тот "вперед" и премирован. Чтобы выполнить "план" — ежегодно рубят и сплавляют леса больше, чем потом могут вывезти, и он весь сгнивает. Таков "план", что в Сибири, где больше всего энергоресурсов, — дефицит электроэнергии. Под обширный Камский завод бесплодно потратили площадь добротного чернозема. Объявлена "всенародной стройкой" Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, для нее не жалуют затрат, материалов и рабочей силы — а качество пути отвратительное, осадка, поезда сходят с рельсов, а стоимость 1 километра (5 млн. рублей) в 20 раз больше, чем строила в Сибири же старая Россия 80 лет назад (1 км — 50 тыс. рублей, старый рубль равен 5 советским).

К тысячам таких примеров надо добавить еще одно коммунистическое свойство: обязательность *систем* у лжи. От самого рождения коммунистической системы одним из главных ее усилий было скрыть

от мира и исказить истинно происходящее. И это удалось ей тотчас же и затем во всех перипетиях десятилетий. (Остальной мир и хотел заблуждаться, он и хотел поверить в добродетели социализма.) Так и с 1-й сталинской пятилетки 1928 года были, для внешнего престижа, объявлены невыполнимые задачи, и еще отягощены лозунгом "пятилетка в 4 года!", и ото всех потребовано под угрозами обязательное выполнение, — и всем звеньям управления не осталось никакого выхода, кроме ложных рапортов о несделанном, как сделанном, дутые цифры. А затем эти дутые цифры систематически ставились опорами новых планов, а в новом неисполнении снова лгали — и вот происходит наслоение лжей за полвека. СССР не дает истинной статистики не только для заграницы, но и сами вожди не знают подлинного положения в своей стране.

Нечего и говорить, что такое обезумелое руководство экономикой со взглядом вперед только на военные нужды и при полном презрении к народному бытию ведет к непоправимому разрушению природной среды. "План" любой ценой, а что при этом будет погублено — неважно, уж тем более — исторические места или заповедные уголки природы. Строят многочисленные гидроэлектростанции, перегораживая равнинные реки так, что под затоплением погибают посевные площади, сенокосы, жилые пространства, а от торопливых плотин гибнет рыболовство — во много дороже, чем полученная электроэнергия. Под этими новыми "морями", которыми коммунисты еще и хвастаются, уже погибло с десяток городов, много сотен сел, ценные леса. Напротив, драгоценное Азовское море, прежде дававшее рыбы больше трех больших морей — Черного, Каспийского и Балтийского, снизили по уровню Волгодонским каналом и обратили в яму для индустриального стока, рыбы в Азовском стало в 90-100 раз меньше, чем до Второй мировой войны. Разрушив ближнюю Европейскую Россию, перекинулись разрушать за Уралом. Уникальное озеро Байкал, пережившее все геологические катастрофы 25 миллионов лет, с самой чистой в мире водой, — отравлено навсегда стоками тяжелых металлов и целлюлозного комбината, дающего шины для тяжелых бомбардировщиков. Электростанцией под Алма-Атой высушили половину озера Балхаш. Освоением казахской целины превращено в пески 3 миллиона гектаров. Сибирский лес рубится хищнически, без воспроизводства. Непригодная лесная техника необратимо разрушает почву и губит таежный подрост. Неумелой постройкой БАМа непоправимо губится широкая полоса вдоль линии, поверхностный слой обращается в заболоченную пустыню; непомерным взятием гравия губят реки. Губит огромную площадь и нынешний судорожный газопровод Таймыр-Европа (которому помогает вся Европа и даже Япония, и который не обойдется без лагерного труда). И всем этим коммунистическая власть безоглядно платит, чтобы захватывать новые страны в Африке и в Азии — и для такого же погубления (как хищничают и в мировом океане). Полвека назад уничтожили крестьянство для бредовой идеи колхозов — теперь удивляются, почему нет урожая? Так исправить климат: реки текущие в Ледовитый океан, повернуть на юг! — новый безумный проект, который через несколько лет принесет новую гибель — уже не

только русскому Северу, но почувствует и вся планета, когда нарушится режим Ледовитого океана. "План" для всех предприятий таков, что некогда и дорого беречь природу, строить очистные сооружения. И — уничтожается окружающая среда, все окрестности городов и заводов изуродованы и замусорены, все реки отравлены двойной и тройной "предельно допустимой концентрацией" ядовитых веществ, а воздух в городах — десятикратной, и даже в некоторых — стократной. (И обо всем этом публично не оповещается, гибель природы и угроза людям так же засекречены, как и все в Советском Союзе, кто пытался громко о том заявить — попадал в психиатрическую больницу.) Рак легких в нашей стране за последние 10 лет удвоился. Вместе с нашей природой умираем и мы сами.

Дети растут сиротами при живых родителях: из-за того, что заработка отца никогда не хватает и всегда работает мать, — миллионы детей начинают существование с перегруженными яслями и детскими садами, в нездоровых нервных условиях, при недостатке персонала, без хорошего пригляда, но уже с "идеологическим воспитанием". И у миллионов же вся жизнь потом потянется через такие общежития — рабочих училищ, заводские — заброшенные, антисанитарные, где рано начинается пьянство и разврат и откуда молодым людям невозможно выбраться на отдельную квартиру: им не получить для этого милицейской "прописки". Они оказываются в крепостнической зависимости от начальников своих производств, которые эксплуатируют их безгранично: потеряв работу, они теряют и жизнь в этом городе. Это всеобщее в Советском Союзе положение: работодатель имеет и полную административную власть над работающим, каждый человек в любом месте, кроме отчасти Москвы, полностью лично зависит от административного начальника: он не может выставить ему требований и не может никуда уехать. Зарплаты — бедственно низкие, они не оплачивают и десятой доли труда рабочего. У всех тесное и плохое жилье, в одной квартире живут по несколько чужих семей — и, даже десятилетиями работая на одном предприятии, нельзя заработать права на отдельную семейную квартиру. Кроме Москвы, Ленинграда — товары повсюду низкого качества, и еще за ними долгое стояние в очередях. То вовсе исчезают — мыло, стиральные порошки, нитки, иголки, посуда, белье, вата, электролампочки, самое неожиданное. И никогда за 65 лет население не получало полноценной пищи и необходимого количества калорий. В провинции десятилетиями суший голод: нет мяса, рыбы, яиц, молока, даже макарон и круп (а риса не видят уже полвека), последние годы во многих городах введена карточная система — это безо всякой войны и стихийных бедствий! Нигде в мире женщины во множестве не работают на таких тяжелых физических работах без механизмов, как в СССР. И еще сверх работы на производстве советские женщины тратят на домашний труд и стояние в очередях по 30 часов в неделю. (И государство заинтересовано, чтобы люди были заняты заботой о пропитании и не оставалось бы мыслей ни на что другое.) Так называемое бесплатное медицинское обслуживание — отвратительного качества, больницы — убогие. По всей стране — массовый алкоголизм, и среди молодых мужчин высокая смертность от аварий. Все больше пьют и женщины.

Правительство грабит и землю и население в сотнях миллиардов руб-

лей — подавленное население имеет только один путь реального сопротивления: встречно воровать у правительства свой кусок хлеба. Издревле в России воровство считалось тяжким грехом, сейчас воровать у государства — это общая, всем понятная жизнь, иначе не проживешь, через воровство у государства народ возвращает часть своих прав, и такой вид массовой народной самозащиты разрушительно вредит правительству. Многие предметы нигде в стране нельзя честно купить — но их можно украсть у себя на производстве (провода, гвозди, машинное масло, краски, удобрения) и затем продать на рынке краденного. На каждом производстве и в каждом колхозе расхищаются материалы, инструменты и продукты, все вместе тоже на миллиарды рублей, внося в производство хаос. Дети колхозников учатся воровать с 6-летнего возраста. На бесчестную власть никто не желает работать честно. Никто не получает достойной оплаты — но и никого не заставишь работать в полную силу — ни рабочих у станков, ни государственных чиновников, ни даже ученых в научно-исследовательских институтах: каждый стремится устроить себе "отдых" в рабочие часы, чтобы иметь силы на вечерний приработок или свои занятия. Люди работают все ниже и ниже своих способностей — и чтобы создать на важных участках какой-то стимул, руководство предприятий само идет на обман государства, создает оплату по несуществующим должностям или дает возможность незаконного приработка.

От жесткой жизни, постоянного голода, жилищной тесноты и нехватки времени женщины не имеют сил на воспитание детей, и делают много аборт — у славянских народов свыше 4 абортов на одно живое рождение. От частых абортов следует вторичное бесплодие и выкидыши, их число возрастает на 6-7% в год. От плохого питания беременных, плохого медицинского обслуживания, отравленного воздуха в городах и женского алкоголизма растет детская смертность, а сохраненное потомство растет болезненным, у детей множатся генетические пороки. Одновременно с падением рождаемости в СССР растет и общая смертность и падает средняя продолжительность жизни. По расчетам, сделанным до 1917 года, по тогдашнему состоянию рождаемости — наша страна должна была иметь к 1985 г. — 400 млн. человек, а имеет только 266, таковы потери от коммунизма. Мы вступили в период необратимого вымирания славянских народов в СССР. Из-за растущего бесплодия женщин в самый детородный возраст и генетической инерции вымирание русских вряд ли может быть остановлено в ближайшие 100 лет даже благоприятными политическими и социальными переменами.

Над раздавленным народом возвышается угнетательский партийно-государственный аппарат, вместе с аппаратом пропаганды и репрессий — это 3 миллиона. Это — каста, обеспеченная всем в избытке — спецмагазинами (лучшие товары по резко уменьшенным ценам), доплатой секретных денег, не облагаемых налогами, лучшими домами и квартирами, особым лечебным обслуживанием, бесплатными санаториями, властью над населением, а сама не подлежащая судебной ответственности, — но зато платящая беспрекословным раболепным исполнением. Они обязаны быть равнодушны к страданиям своего народа в прошлом, настоящем и будущем: член касты — только пока он верен

Системе, но выбивается из нее при малейшей нелояльности. В центре касты находится олигархия партийных функционеров, тысяч 100, их потребности вообще не знают ограничений, так привольно не жил правящий класс старой России, — и их дети направляются так же привилегированно, чтобы по наследству остаться в той же олигархии. Вожди СССР по своим личным потребностям имеют чрезмерно и власти, и почета, и имущества — кажется, зачем бы им рваться завоевывать весь мир? Но так ведет их Коммунистическое Безумие, они — тоже пленники идеологической системы. В их руках — неконтролируемые финансы, военная мощь, международная политика — но тщетны надежды Запада, что смена одних вождей другими приведет к смягчению. Коммунистическое правительство уже держится непомерно долго по срокам отдельной человеческой жизни, оно выпило из подвластных народов живую жизнь, развратило, омертвило дух всеобщей обязательной лжи. Всепроникающая ложь — самая изнурительная черта режима. Уже больше полувека миллионы людей принуждаются к искусственному дутому "социалистическому соревнованию", "коммунистическим субботникам" (бесплатная работа в свободный день), издательским собраниям и внедрению лжи в мозги на обязательных после рабочих часов политических занятиях. Народные волнения, частые в раннекоммунистические годы, как тогда подавлялись обильной кровью, так подавляются и теперь при малейшем возникновении (восстание в Новочеркасске, в Александрове, Муроме, Краснодаре, мятеж на балтийском миноносце, забастовки в Перми нескольких волжских городах). Массы охвачены духовным упадком и равнодушием: бессильное чувство, когда видишь, что твоя родина уничтожается и изгаживается уже две трети века. Иногда стихийная злоба прорывается оскорблением или взрывом официальных памятников.

Настойчивее же всего, как главных врагов, власти преследуют религию и национальное самосознание. Жестоко запрещается всякое религиозное воспитание детей. Все вероисповедания сжаты душащей петлей. В Прибалтике бандитски убивают католических священников. У баптистов и пятидесятников отбирают детей, а родителей бросают в тюрьмы. Жестоко наказывают тюремными сроками православных: священника Глеба Якунина, молодежную группу Огородникова-Пореша, издательницу сборников христианского чтения Крахмольникову. Но самые изнурительные и повторные сроки достаются выразителям национальных чаяний всякого подсоветского народа. Преследуется арестами и сроками простая милосердная помощь семьям заключенных от Русского Общественного Фонда, созданного мною на гонорары "Архипелага Гулага" и поддержанного сборами в стране.

Коммунизм по своей античеловечности исторически беспрецедентен, до XX века ни в одной стране ничего подобного не было, а сейчас — уже больше, чем в 20 странах. И уже много раз он должен был то там, то здесь крахнуть, но всегда устоявал, а сильные враги его, напротив, разрушались. Коммунизм — капкан, из которого не выскокнет еще ни один народ никогда. Никакая личная тирания не сравнится с идеологическим коммунизмом: для всякого личного тирана есть пределы, где власть насыщает его. Но тотальную коммунистическую власть не может насытить

никакая отдельная страна. Коммунизм — это такая умонепостижимая власть, которая совсем не имеет цели расцвета своей страны, здоровья и благополучия своего народа, — но платит и народом, и страной для достижения посторонних целей. Такая главная цель коммунизма не есть разумное, но фанатическое стремление зажать как можно больше внешней территории и населения, в желаемом пределе — всю планету. При коммунизме никакая страна не готова к длительному, здоровому экономическому существованию. Но вполне способна на удар, захват, военную экспансию — это необходимая форма существования коммунизма. Этот закон внешней агрессии обязателен для всех коммунистических стран. Так и коммунистический Китай (это уже не подлинный, исторический Китай!) при своей военной слабости уже формировал убийц — красных кхмеров, поджигал индонезийскую революцию. А Северная Корея вторглась в Южную и только из-за американских войск не может кончить расправу. А Вьетнам, едва справившись с Америкой, обескровленный, — уже вторгся в Камбоджу, Куба — в Латинскую Америку и в Африку, Абиссиния — в Сомали, Южный Йемен — в Северный, Ангола — в Намибию. И характерно, что коммунистический империализм (в отличие от прежнего колониального) нисколько не служит даже интересам и обогащению той нации, которую гонит на завоевание, но ее-то губит в первую очередь.

Опасная иллюзия — различать коммунизмы "худшие" и "лучшие", более агрессивные и более миролюбивые. Коммунизмы — все античеловечны, а если какой ведет себя внешне смиреннее, то он еще просто не набрался военной силы. Если о китайских, северокорейских и вьетнамских лагерях нам почти ничего не известно, то только потому, что там еще жестче держат, чем в советских: не дают оттуда выскользнуть никому и никаким сведениям. Но и в Аддис-Абебе расстрелянных школьников складывают штабелями. Но священников расстреливают и в Албании и в Анголе. И во всех коммунистических государствах — не разумное, не практическое, но "идеологическая" форма собственности. Марксизм — враждебен и физическому существованию и духовной сущности любой нации. И тщетна надежда — найти с коммунизмом компромисс, улучшить отношения через уступки или торговлю.

Коммунизм — это отрицание жизни, это — смертельная болезнь страны и смерть всего человечества. И — нет на Земле страны с иммунитетом против коммунизма.

Сейчас на Западе большое возбуждение в связи со сменой руководства в Советском Союзе и, разумеется, большие надежды. И, разумеется, несколько легких показательных шагов от нового руководства, особенно в интеллектуальной свободе и эмиграции, уже дадут "сигнал", что все исправляется. Обзор советской действительности показывает, что ни сменой лидеров, ни десятком символических жестов положение не может быть исправлено, а только коренным оздоровлением жизни народа.

А коммунизм исправить или улучшить — нельзя. С ним можно только покончить — совместными усилиями многих народов, угнетенных им.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

© World copyright Alexander Solzhenitsyn

Я. ТЕЛЬНОВ

О грубости, ненависти и о прочих вещах

Весь Золотой век русской литературы, да и Серебряный тоже проходили под знаком и влиянием Пушкина. Другой наш великан Н. В. Гоголь сказал: "Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа". Достоевский — третий великан — воспел его в своей знаменитой пушкинской речи. Пушкин — душа России и наша любовь и гордость.

Именно поэтому русофобами объявлен поход против него. Зачинщиком является Андрей Синявский-Терц. Едва он появился за рубежом, как выпустил свой пасквиль "Прогулки с Пушкиным", который вызвал широкое негодование в эмиграции. Тогда же на него дал и достойный ответ ряд эмигрантских публицистов, в том числе Роман Гуль, уточнивший название пасквиля: "Прогулки хама с Пушкиным".

Но вот недавно вышел 10-й номер журнала "Синтаксис", который издает тот же Синявский, и в нем появилась посвященная Пушкину статья некоего А. Н. Кленова. Это еще хуже чем пасквиль Синявского. Кленов отнюдь не занимается изучением и оценкой творчества Пушкина: ему чужды красота, глубина, любовь к родной земле и национальный дух поэта. Все это ему противно, в нем начисто отсутствует русскость и отсюда его ненависть к Пушкину-гению, вознесшему Русь. Кленов и не думает о справедливой оценке; он роется в творчестве Пушкина только затем, чтобы найти чем бы его унижить и обесславить.

Комментатор "Русской Мысли" (№ 3447) Г. Андреев пишет: "Равнодушием, чуть не озлоблением к русским культурным ценностям веет от статьи Кленова "Пушкин без конца". Суть ее в том, что Пушкин был ничтожнейшей личностью, а по сему абсолютно чужд современному читателю. Так и написано: "Пушкин попросту не нужен". Те же читатели, которые любят Пушкина и тайно чувствуют с ним родство — такие же трусливые, как и он и также склонны к предательству". Так Кленов бойко разделяется с Пушкиным и со всеми нами. Пушкинистов же он просто называет "идиотами".

Интересно, все же как "ничтожнейшая личность" могла создать великие произведения. По Кленову Пушкин был аморальным; как же он тогда создавал высококравственные образы? Одна Татьяна чего стоит! "Был трус". А мы знаем, что в дуэли с Дантесом он проявил большое мужество: Пушкин не спешил, как Дантес, первым выстрелить, чтобы спастись, а уже лежа на земле, смертельно раненный собрал последние силы и дал ответный выстрел. По описанию Жуковского мужественно принял смерть и умер христианином. Не забыл Кленов и жену Пушкина — она была "дурой". Как же тогда она блистала в свете? Наконец Кленов пускается на особенно гадкую ложь: "служил царю своей женой". Но как бы это укрылось от досужего света? Как бы Пушкин потерпел бы это? И, наконец, после смерти Пушкина как бы граф Ланской тогда бы женился на ней? Я говорю об всем этом вскользь, но пушкинисты все это тщательно изучили и рассудили не по Кленову:

Пушкин у них во всех отношениях достойный человек. Но не в этом суть Пушкина. Она в его великом и многогранном творчестве. "Я памятник воздвиг себе нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа". И каждое поколение расчищает эту тропу, а кленовых сбрасывает с дороги... Престарелый подсоветский академик Е. Винокуров в своем предисловии к "Русской поэзии 19-го века" назвал творчество Пушкина "гениальным", в котором "сходятся и от него расходятся все линии русской поэзии". И это про Пушкина сказано: "Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет". Пушкин, как Великий Национальный Поэт, никем и ничем не может быть поколеблен в сознании русских людей и будет всегда светить России. И не пушкинисты "идиоты", а тот, кто их так обозвал. Суждения Кленова о Пушкине просто негодяйские и глупые.

Но, может быть, лучшая оценка творчества Пушкина в том, что его произведения вдохновляли и вдохновляют до сих пор композиторов, режиссеров и артистов. Оперы по произведениям Пушкина ставятся во всем культурном мире. И вот живой пример. Совсем недавно в Париже ставилась опера "Евгений Онегин", в которой роль Татьяны исполняла Галина Вишневская, а режиссером был Мстислав Ростропович. И все это в переполненном зале, преимущественно с иностранными слушателями. А по утверждению же Кленова "Пушкин просто не нужен", что, как видим, опровергает сама жизнь. Пушкин нужен, потому что дает людям радость, будит в них высокие чувства и глубокие переживания. Не нужен Кленов, несущий зло и ложь.

Но это и есть специфика и призвание Кленова и далее он продолжает так: "Пора, вероятно, произвести слово правды над русской культурой, ее создавали весьма подозрительные субъекты: один проиграл в рулетку обручальное кольцо своей жены, другой был пьяницей, третий писал письмо царю, четвертый так вообще стоял перед ним на коленях, у пятого что-то было не в порядке с сексом". Вот как понимает этот субъект русскую культуру! Где же тут правда о ней? Это попытка с негодными средствами обесславить наших великих деятелей культуры не за их творчество, а за их мнимые слабости или за уважение к царю, но ни то, ни другое не может служить оценкой их творчества. Нельзя поверить, что Кленов этого не понимает — здесь злой умысел налицо.

Лицо Кленова становится еще более ясным, если мы немного коснемся личности его покровителя — Синявского. Г. Андреев пишет: "В основе эстетического и, даже этического кодекса "Синтаксиса" лежит тезис о таланте, как высшей ценности, освобождающего писателя (и любого человека) от ответственности за произносимое слово — важно, чтобы слово было оригинально и талантливо. Все другое: политика, мораль и даже правда, второстепенно. Ничего оригинального в этом тезисе нет, такие взгляды известны теоретикам искусства со времен Платона. Но для нас здесь важно то, что со своей же точки зрения, Синявский должен был бы расценивать творчество Пушкина

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Царство Небесное дочери России!

Известие о смерти Марии Волковой до глубины души меня огорчило. Я знал, что у нее больное сердце, беспокоился как раз, что она долго не живет, — и все же удар меня поразило нестерпимо.

Я ее никогда не видел, кроме как на присланной ею фотографии; знакомство сводилось к переписке несколько лет, всегда с ее стороны исключительно милой, деликатной, внимательной. Вот и теперь, на последок, ее близкая подруга сообщает мне из Германии: "Мария Волкова Вас очень ценила".

Она меня! Какая все же разница... Я-то знал и, слава Богу, давно, многие годы, кем она была: один из лучших, если не просто лучший из эмигрантских поэтов... Ах, еще так мало времени назад я мог бы добавить *ныне здравствующих*.

И поэт столь мало известный! Правда, настоящие-то ценители литературы, не колеблясь, упоминая о ней прибавляли: "Настоящий, Большой, поэт!" Чтобы не называть живых, сослужу на покойную писательницу Ирину Сабурову, которая так с ней и выразилась однажды в письме.

Но, на беду, Волкова за рубежом жила, как она сама любила определять, *на отшибе*, вдали от русских центров; сперва в Литве, потом в восточной Пруссии, позже — после Второй мировой войны — в немецкой глуши, где-то в баденской области. Печаталась она, главным образом, в казачьих журналах, — где ее вещи поди-ка, найди! — Связанная кровью с казачьей средой, как стоит в ее стихах:

Моя мать — казачка с Урала,
Мой отец — сибирский казак

Положим, публиковалась она когда-то во "Владимирском Вестнике" и в "Русской Мысли", затем в "Современнике", а вот сейчас, — какая запоздалая и недостаточная дань ее огромному таланту! — появляются ее стихи в "Новом Журнале". Только, отчего-то, тут фигурируют лишь ее вещи на философские темы и те, в которых сильнее чувствуется настолько понятная горечь жизни. А творчество ее так разнообразно, так богато оттенками!

Издано было всего два сборника Волковой: "Песни Родине" в 1936 г. в Харбине и "Стихи" в 1944 г. в Париже; оба давно стали библиографическими редкостями. Так вот и получилось, что о ней широкая публика попросту не слышала. Она сама горячо желала выпустить еще книгу, в которой бы отразились труды всей ее жизни,

— от которой, ей было ясно, мало уже оставалось". И никто не хотел вложить деньги (а своих у нее не имелось), рискнуть капиталом ради ее произведений! В наши дни, — когда тоннами печатаются бездарные вирши и всяческая макулатура в прозе! Вот уж сбывшись на ней слова Пушкина: "Мы пенивы и нелюбопытны..." Каждый новый от-каз ей причинял, разумеется, горе; и это, наверное, значительно при-близило ее кончину.

Конечно, что имеем не храним, потерявши плачем. Погибла, по вине Зарубежья (и при участии большевиков) Цветаева, — и теперь о ней все жалеют! А Волкова, тою порою, задыхалась в молчании... Может быть, хоть теперь о ней вспомнят. Хотя ей-то с того какой уже прок? Но несчастьем будет для русского рассеяния, и худшим еще

ИМЯ

Русским быть — жестокое счастье,
Перелившееся через край,
Но и в крестной горчайшей страсти
Ты хвалу за него воздай!

Береги больше жизни имя,
Что дала, породивши, мать —
И над безднами роковыми
Вековечно ему сиять!

Встречен холодом недоверия,
Им себя ты не отрави
И исполнись, томясь в преддверьи,
Чистой гордости и любви!

Одиночества боль изведай,
Став предтечей иных времен!
Если ты не венчан победой,
То страданьем: превознесен!

Мария Волкова

для грядущей свободной России, если ее сочинения пропадут, затеряются втуне. У меня, благодаря ее ко мне мало чем заслуженным симпатии и доверию, лежат полностью стихи, предназначенные для намеченного нового сборника. Но что я могу? Разве что, — дать читателям бледный намек на похороненный и недоступный им клад... Трагически звучит сейчас начало ее стихотворения:

Кого проводили? Жалуют о ком?
Шумят кипарисы над новым крестом,
О чем говорят? Кто кому не помог?
Чей слышится в воздухе полуупрек?

А до этого конца, — сколько потерь! Путь русских за границей начертан у нее так:

Было время свыкнуться с этим:
Никому не люб незнакомый гость!
Навигались разного на свете,
Наскитаться досыта пришлось...

Гибли страны. Умирали люди.
Разрушались здания, очаги,
Хлеб слезами смоченный был скуден.
Были неуверенны шаги.

Жизнь одну спасти еще рвались мы
И в тупом отчаянии, без слов,
Все бросали... И горели письма,
Дневники и кружево стихов.

И в другом месте:

Через все мы прошли мытарства,
Мир увидели без прекрас...
Разве где-нибудь есть лекарство,
Чтобы память огнять у нас?

Вот отрывок, который нам бы
принять как мудрый совет:

Ветра нет. Улегея снежный прах.
Не пора ль, переборов усталость,
Подобрать все то, что на буграх
По дороге в спешке растерялось?

Очень ясно умела Волкова оценивать наш сегодняшний предельно баспросветный мир:

Атомный век и дыханье пещеры:
Всюду провалы, всюду пустоты,
Песни без радости, горе без веры,
Даже кумиры без позолоты!

Но душа ее оставалась спокойной
и твердой:

Может быть, что в огне печали
Средь безвремений и разрух
Наподобие дамасской стали
До конца закалился дух?

И она умела любить красоту природы, и все то, что есть хорошего в людях:

Надо странствовать долгие годы,
Много видеть и все испытать.
Чтоб и самой неяркой природы
Затаенную прелесть понять.

Или:

Дерево весеннее в цвету
Празднует свое преображенье,
Чуешь ли, что в эту красоту
Вложено глубокое значенье?

Приведем еще строки из стихотворения "Нежность":

Не даст поднять и нетяжелой ноши,
Тайком цветы положит на порог,
Наполнит вдруг о чем-нибудь хорошем
Без лишних слов, как будто между строк.

И закончим строфой из другого, под заглавием "Наследство":

Все, что прочно вросло в мою память,
Передам раз от разу твоей:
Это будет звеном между нами,
Между миром отцов и детей.

Сумеет ли мы сохранить наследство Волковой? Вероятно, нет. Что же, тем хуже для нас...

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИИздатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия
Тел. редакции 52-7426

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,80 австралийских долларов; Германия — 1,80 немецких марок; Италия — 900 лир; Парагвай — 100 гварани; США — 0,80 долларов; Франция — 4,40 франков; Чили — 30 песо. Все остальные страны — 0,80 долларов США. Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 15.000 песо; Франция — 4 франка; США и все остальные страны — 0,75 долларов.

"Моней ордер" и чеки должны быть выписаны на имя издателя (Miguel Kireeff), с местом уплаты в США или в Европе и посланы по следующему адресу:

Sr. Miguel Kireeff
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires — Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

БРАЗИЛИЯ: LEO RUBANOV
Caixa Postal 8405
SAO PAULO — Brasil

ФРАНЦИЯ: A. KHASOFF Ing. C.P.C.
8, Av. des Chardonnerets
95120 ERMONT, France

США: ANATOLE DENISOFF
11 Wolfe Ave.
SAN RAFAEL, Calif.
94901 — U. S. A.

КАНАДА: Mr. B. S. DIMITROV
461 Querbes Ave.
OUTREMONT, Que.
H2V 3W4. Canada

Языковые Уродства

АНТРОПОС

Жутью отдаёт от имени нового советского вождя... Ведь Андропов это есть, несомненно, греческое *ánthropos*, сиречь "человек".

А когда нужно подписывать под картинкой: "се лев, а не собака", то ясно, что сходство между предметом живописи и его отражением — относительное!

Следовательно, человекообразность данного специмена, надо полагать, слабо выражена.

По фотографиям советского производства судить не будем: тамошние специалисты, в любой области, натренированы делать из отбросов конфетки.

Впрочем, происхождение греческого слова — загадочно. Хотя чеховский "человек в футляре", Беликов, и находил его чрезвычайно красивым и гармоничным. Некоторые ученые его объясняют как "имеющий человеческое лицо" или "имеющий человеческую внешность".

Это-то еще, с грехом пополам, Андропов и может иметь; а уж вот чтобы "человеческую сущность", — зело невероятно.

очень высоко, потому что оно гениально, оригинально и разнообразно. Пушкину доступны все жанры литературы. Однако, вопреки собственному тезису, Синаевский организует в своем журнале поход против Пушкина, и предлагает "выбросить его из круга современных авторов". Таким образом вскрывается, что Синаевский в отношении творчества Пушкина поступает бесчестно, забывая собственный тезис и руководствуется явно злонамеренной целью. Зачем?

Разгадка лежит в самом факте

его появления в Париже (а есть и другие), но на это в свое время не обратили должного внимания. Синаевский не политический эмигрант, он прибыл в Париж, как советский подданный, командированный КГБ преподавать русскую литературу в парижском университете...

Такое исключительное доверие он заслужил, сидя в лагере, так что его освободили на пол года раньше и потом вскоре же отправили в Париж. Жена его свободно курси-

ровала по маршруту: Париж-Москва, Москва-Париж. Через несколько лет Синаевский объявил себя невозвращенцем, но мы не знаем в каких отношениях он остался с КГБ. Знаем только, что он продолжает ориентироваться в "левую" Запада и повел в своем журнале преступное глумление над русской культурой. Таким образом, Синаевский, находясь на Западе и став официально невозвращенцем, продолжает служить Советскому Союзу.

Я. ТЕЛЬНОВ

Аркадий Рахманов